Курдюков Владимир

31.01.2002 10с

31 января – 6 февраля 2002 года
ОБЩАЯ ГАЗЕТА
№ 5 (443)

Несение креста

Никиту спасла одержимость

Леонид ЛЕРНЕР

В глубине картины, окутанной туманом, угадывалась лестница, идущая вверх. Возле лестницы толпилась кучка людей.

– Что они там делают? – спросил я Курдюкова.

– Хотят на небо, – ответил художник.

– А вас среди них нет?

– Нет. Нам с Никитой и здесь хорошо.

За столом, под осенним деревом, сидели двое, тесно прижавшись друг к другу. Перед ними, посвечивая туманными огнями, медленно катились яблоки.

– У меня было много «туманов», – сказал художник. – Все ушли.

– Куда?

– В Мюнхен, к доктору О'Доннору и его друзьям. А эту «Лестницу» не отдал. Я ее написал в момент полного отчаяния, когда казалось, что с Никитой уже ничего не выйдет. Но ее-то и увидел Йозеф О'Доннор, случайно залетевший на мою выставку в ЦДХ. Он спросил: «Это лестница Иакова? Почему она в тумане?» Я тогда и сам не понимал – почему. У меня в мастерской было уже штук сорок «туманов». Йозеф захотел на них взглянуть. Увидев, предложил устроить выставку «русских туманов» в его загородном доме под Мюнхеном.

Выставка состоялась. В дом к Йозефу О'Доннору, известному баварскому адвокату, съехались около сотни друзей: юристов, врачей, ученых, артистов... «Туманы» Владимира Курдюкова были раскуплены на корню. Но «Лестницу» художник увез обратно, объяснив, что она пока еще нужна его сыну. Думал ли он, что однажды той же дорогой в Мюнхен явится Никита?..

Другая жизнь

С детских фотографий Никиты на меня глядят глаза ангела. Кто-то сказал, что все дети – ангелы Божии. Может быть... Что касается Никиты, то он и в самом деле летает, хотя вот уже двадцать лет живет с перебитыми крыльями.

Детский церебральный паралич – это судьба. Я встречал разные «церебральные» судьбы. В глухой каргопольской деревне видел малыша, который с быстротой ящерицы ползал по двору, играл с собаками, кошками и кроликами. И спал в кровати вместе с козленочком, который, родившись в лютый мороз, отморозил ножки. В другой раз в одном городке меня привели в семью, совершенно растерянную и измученную несчастьем своего ребенка. И я вызвался свести родителей с самим Дикулем, который, считалось, был единственной панацеей от этой страшной болезни. Тогда я и побывал в его Центре, увидел хитроумные станки для спасения страждущих и спросил Валентина Дикуля – циркового силача, обретшего свою легендарную силу в схватке с, казалось бы, необратимой травмой позвоночника: «Скажите, этот ребенок встанет на ноги?» И услышал в ответ: «Ко мне приходят тысячи, а побеждают – единицы».

Владимир Курдюков привез Никиту к врачу-энтузиасту, когда ребенку было четыре года. Никита мог слегка двигать руками, даже подносить ложку ко рту – ноги же оставались совершенно ватными. «Можем тренировать мальчика в одной из наших групп, – сказал Дикуль, – но, если есть время, советую взять все в свои руки. Вот чертежи моего станка. Сможете сделать его сами?»

Я узнал о Курдюкове от знакомого галериста, который продавал его картины. Вещи Курдюкова брали охотно, и продавец огорчился, когда художник вдруг сообщил, что картин больше не будет. «Чудак-человек, – удивлялся приятель. – Я знаю, с сыном у него беда. Значит, деньги тем более нужны. Но он почему-то решил, что теперь ему не до живописи».

А Курдюкову и в самом деле было тогда не до картин. Художник вдруг со всей ясностью осознал, что если не спасет сына, то жизнь его потеряет всякий смысл. Жену он уже потерял...

– Господи, как я ее любил! – рассказывал Курдюков. – Встретив Алёну, решил, что теперь уж просто обязан стать великим. Работал как сумасшедший. И она понимала – со мной не пропадешь, была уверена, что я обеспечу ей красивую жизнь. И я не испытывал ее терпение, рванул с другом в Сибирь, на заработки: в тюменских колхозах и совхозах писали Ленина, коров, трактористов, ставили памятники, украшали дома культуры, школы, детские сады. Я привозил домой кучу денег... Трагедия с Никитой сразу все прояснила. Нет, не сразу. Сначала, видя, как она плачет и страдает, я просто умирал от жалости. Ничего вокруг не замечала, шла с коляской прямо под машины. А однажды вдруг выпалила: «Мы так жить не договаривались!» У меня аж сердце упало – от страха. Очнувшись, понял: не любит. И стало еще страшнее – уже за Никиту.

Чтобы ничто не отвлекало от сына, он тут же развелся. А после визита к Дикулю уехал с Никитой на другую квартиру. Здесь, соорудив станок, начал другую жизнь.

– Я будил Никиту в 8 утра, и до одиннадцати мы занимались очень тяжелой для него гимнастикой. Он ужасно старался, выбивался из сил, плакал от бессилия. Обняв его, я плакал вместе с ним. Потом шли гулять, и он не просился в коляску – знал, что не повезу. Падал и вставал – до изнеможения. После обеда и отдыха снова три часа гимнастики...

К пяти годам Никита уже читал, обязательно вслух, «развязывая» язык, которого тоже коснулся паралич.

– А говорить он хотел?

– Очень хотел. И все время говорил со мной, чтобы я отвечал, – хотел слышать мой голос. Я читал ему все, что читал сам: Марциала, Шекспира, Томаса Манна. Музыка у нас звучала даже по ночам: Моцарт, Бетховен, Равель. Никита хорошо спал под такую музыку, а я в это время рисовал. Не писал, живопись я тогда бросил, но завел «книгу дней», своего рода дневник в рисунках. Веду его до сих пор...

– А когда Никита начал рисовать?

– Гораздо позже, в 9–10 лет. Когда наконец смог (и то с огромным трудом!) держать в пальцах карандаш и кисть.

Но еще до этого случилось, быть может, самое главное. Приехала Алёна и, устроив скандал, забрала Никиту. Три дня мальчик пролежал на диване, лицом к стене. Потом вдруг резко поднялся, добрался до стула, ухватился за его спинку и вместе со стулом двинулся к двери. Потрясенная мать, оцепенев, наблюдала, как он и д е т. Трясущейся рукой набрала телефон Курдюкова. Услышав его голос, закричала: «Приезжай! Он идет! К тебе!»

Несколько лет спустя я увидел на выставке курдюковского «Дон Кихота». Одинокий измученный всадник, привстав в стременах и напряженно глядя вдаль, застыл посреди холста, будто в ожидании чуда. Рядом висела картина его сына. На ней понурая лошаденка идальго ткнулась мордой в соломенную крышу русской избы. А сам Дон Кихот стоял на коленях – как тот блудный сын, что вернулся к отцу.

Никита начал писать в ярославской деревеньке Сельцо под Любимом. Курдюков купил здесь дом в надежде, что природная благодать и козье молоко свершат чудеса. В этой деревне стал учить сына тому, что лучше всего умел сам. Отсюда начался путь Никиты в Мюнхенскую Академию живописи. Сюда я и приехал к отцу и сыну на исходе прошедшего лета в первые студенческие каникулы Никиты.

Провидение

Думал ли Владимир Курдюков, что сын станет художником? Мне кажется, куда важнее другое: в его рисунках и картинах видели человека, который всем своим существом прорывается в Жизнь.

Этот прорыв стал особенно труден, когда вдруг кончилось детство. И снова пришла пора решать – быть или не быть. Быть – значит идти дальше. Но куда?.. Когда Владимир Курдюков приехал в Москву, у него был выбор: не поступил в Суриковский – приняли в Строгановку. У Никиты выбора не было. Его живопись заражала страстью и силой духа. Но школы, которую его отец получил в Строгановке, он передать сыну не мог. В силу обстоятельств Никита все делал по-другому. Ни в один российский художественный вуз, где все учебные процессы – от экзаменов до диплома – подчинены традиционным канонам, его бы просто не взяли. Между тем Никита уже заканчивал школу, и, казалось, вот он – тупик. Но! Звезда, которую он зажег на своей картине, попрежнему горела. Такие звезды не гаснут.

Эпилог

Курдюков встретил меня ранним утром на тихом любимском вокзале и повез в свое Сельцо.

Никита ждал нас, сидя за грубо сколоченным столом, под осенней яблоней. Курдюков сел рядом с сыном, обняв его за плечи, и я вновь увидел их – как на той картине. Только тогда все вокруг было в тумане. А теперь сияло чистое утро, промытое дождем и слегка позолоченное бабьим летом. Мы пили чай из самовара, и отец с сыном вспоминали...

Чудо явилось в Москву в образе бывшего советского немца, а ныне мюнхенского художника Андрея Шлиппе, приглашенного оформлять спектакль в театре на Таганке. Алёна нашла в газете интервью с ним, в котором Шлиппе, выпускник Мюнхенской Академии живописи, рассказывал, будто в эту, самую демократическую в мире школу художников принимают не по канонам, а чисто индивидуально. Алёна и Владимир бросились на Таганку, но художник уже уехал. Они достали его адрес и написали Андрею в Мюнхен, приложив к письму фотографии Никитиных работ. Шлиппе ответил сразу, сообщив, что уже показал вещи Никиты в Академии. А вскоре пришло письмо от профессора Зауэрбрука, уведомлявшего, что собирается на пару дней в Москву – взглянуть на оригиналы юного художника. И в самом деле приехал. Посмотрев работы, попросил Никиту написать что-нибудь при нем. Обратил внимание, что отец вытирает сыну кисти, чистит его палитру. После чего сказал, что возьмет юношу в свой класс при следующих условиях: во-первых, Никита должен отныне все делать самостоятельно; во-вторых, овладеть немецким.

Чудеса только в сказках бывают легкими. В жизни, приходя на помощь, они требуют от человека фантастических усилий. Подготовка к Мюнхену была столь же неистовой, как и все то, что Никите уже приходилось делать. Впрочем, условия, поставленные профессором, требовали куда большего. Обрести полную самостоятельность после стольких лет, проведенных возле отца? Для этого нужно было как минимум первый раз в жизни одному выйти хотя бы во двор! А выучить чужой язык, свободно заговорить на нем? Для этого нужно было заставить наконец свой язык (все еще непослушный) свободно говорить по-русски! Думаю, что, прощаясь с Никитой, Зауэрбрук был уверен, что никогда больше его не увидит. Откуда ему было знать, что уже через три месяца Никита сам, опираясь на палку, доберется до Института Гёте, где начнет учиться немецкому. А еще через год приедет в Мюнхен и поступит в Школу переводчиков. К тому времени «туманы» Владимира Курдюкова уже будут украшать дома Йозефа О'Доннора и его друзей. А Никита выставит в одной из мюнхенских галерей своего Дон Кихота. И только тогда снова постучится в двери Академии...

Три года не был он в своей деревне, где когда-то написал первые картины. И вот снова в любимом доме, рядом с отцом, и вновь все лето они пишут вместе. И опять на его холсте с детства любимый образ, унаследованный от отца. Сколько раз этот «русский» Дон Кихот (так назвал его немецкий коммерсант, купивший картину Никиты в Мюнхене), въезжая в Сельцо, привязывал своего Росинанта у плетня курдюковской избы...

– Скажи, почему он в России? – спрашиваю Никиту.

– Мне кажется, Испания Сервантеса и наша Россия очень похожи. Здесь тоже живут смельчаки и безумцы. Такие, как мой отец.

Фотографии предоставлены автором

Леонид ЛЕРНЕР,
историк, литератор, коллекционер народного и современного искусства. Автор нескольких книг.
Постоянный автор «ОГ».

Отец и сын Курдюковы в своей деревенской мастерской. На мольберте – «Дон Кихот» Никиты

«Дон Кихот» Курдюкова-старшего

Владимир Курдюков. «Лестница Иакова»

– Нет, никогда, – уверяет он. – И теперь не уверен – станет ли профессионалом. Слишком «странно» все, что он пишет. Это своеобразие появилось сразу и навсегда. Трудные движения пальцев, от которых он до сих пор добивается послушания, рождают особые штрихи и мазки – он все делает п о-д р у г о м у.

– А если бы Никита захотел стать кем-то другим?

– Я бы поддержал любое его желание, будь оно по-настоящему сильным. Никиту могла спасти только одержимость. Помню, как во фрайбургской клинике, где ему в очередной раз ставили диагноз, профессор Каринфенберг сказал: «Этот ребенок пойдет тогда, когда сам захочет пойти». И оказался прав. Первый раз Никита «пошел» после скандала с Алёной. Но тогда лед лишь тронулся. А вот когда он сам захотел рисовать, более того – сразу писать маслом, я буквально кинулся ему навстречу.

В то деревенское лето они писали вместе. В одном из каталогов Курдюкова нахожу картины того, памятного 1989 года, когда после трехлетнего «молчания», суждая его и соотнося с нашей жизнью. Мои родители, крестьяне, глубоко верующие люди, крестили и нас, семерых своих детей. Я же крестил Никиту в Печорах, у своего брата... Все его первые картины были от Евангелия: «Рождество», «Благовещение», «Поцелуй Иуды», «Несение креста»...

Большинство этих мальчишеских вещей разошлись по коллекциям людей, фондов, учреждений, во многом решивших будущее Никиты. А «Вифлеемская звезда» осталась в деревне – как символ Провидения. Ибо с того дня, как она воссияла на первой его картине, жизнь мальчика вошла в такой ритм, будто у него выросли крылья.

Поразительно, но факт – даже Алёна, еще вчера растерянная, озлобленная на неудавшуюся жизнь, вдруг решительно изменилась. Она стала как бы менеджером своего сына, проявив на этом поприще незаурядный талант. И то ли кто-то свыше указывал ей – где и как искать, то ли срабатывали материнская страсть и женское обаяние, – всюду ей шли навстречу. На выставку юных в Доме художника на Кузнецком, где впервые участвовал Никита, Алёна привезла сотрудников Международного благотворительного фонда Владимира Спивакова. В результате фонд оплатил обследование в клинике Фрайбурга...

Анализируя эту историю, я еще раз прихожу к выводу – как все-таки парадоксальна жизнь. С одной стороны, болезнь Никиты развела его родителей. Но с другой... Именно с этого и началось его спасение. Ибо (вот парадокс!), живя вместе, ни Курдюков, ни Алёна не смогли бы сделать для сына то, что сделали порознь – каждый свое. Освободившись друг от друга, перестав травиться ядом любви и ненависти, они поняли, что судьба сына – это их судьба: спасут его – спасутся и сами.

В каких-то кривоколенных московских переулках Алёна нашла «Веру и свет» – тихую обитель страждущих духовного и физического исцеления. И вот уже Курдюков с Никитой едут в Лурд – святое местечко на юге Франции, где время от времени являются детям дева Мария. А оттуда в Париж, в Лувр. Она же через ЮНЕСКО организует выставку сына в Доме дружбы. И вот уже Курдюков с сыном едут на Лазурный берег, в лагерь для одаренных детей...

Думали ли люди, помогавшие Никите, даже покупавшие его детские картины, что он станет большим художником? Не знаю.